

НЕ БУДТЕ ГАУРДАКА

ЧТО ТАКОЕ БАГИНОТ

3

Багдерина Светлана

Что в тумане может быть страшнее глубокой выбоины или встречной телеги? Ничего — если он обычный. Но если, откуда ни возьмись, в мирном Забугорском королевстве появились твари тумана, то миру в нем — равно как и самому королевству — скоро может придти конец.

Но Багиноту повезло. Масдай попал под дождь, и Адалету с Наследниками пришлось продолжить путь по земле. Правда, повезло ли Адалету и Наследникам — вопрос совершенно другой. Ведь, как оказалось, в багинотском тумане завелись существа и похуже туманных тварей...

Светлана Багдерина

Что такое Багинот

Ливень начался внезапно, когда маг-хранитель со своими спутниками мирно почивали в маленьких, но аккуратных комнатках постоянного двора такого же маленького и аккуратного городка на севере Лотрании.

На тонких мокрых ножках подкрался он стеснительным легким дождиком, пока все спали. Осторожно тронув для знакомства красные черепичные крыши, робко пробежал по мощеным улицам, нежно погладил лысоватые, но яркие весенние газоны, смущенно охладил пыл любовной страсти разномастных кошек на заборах и дворах, и нерешительно оставил тонкие темные полосы на свежесмытых стенах одинаковых, как две капли воды, двухэтажных домов. Когда же настало утро, дождь, растеряв ночную стеснительность и скромность, уже весело командовал в Бюргербурге и прилегающих окрестностях, жизнерадостно поливая истосковавшуюся по небесной влаге нежную изумрудную травку и молодую листву деревьев и превращая легкую пыль в тяжелую грязь.

— Нелетная погода, — сухо констатировал факт ковер, когда Иванушка, отложив почти

дочитанную за ночь книжку и задув светильник, раздернул занавески, поднял раму и прикоснулся к плотно закрытым на ночь ставням. — Надолго.

Сенька оторвала голову от подушки и, приоткрыв один глаз щелочкой, вдохнула прохладный влажный воздух, ворвавшийся с подмокшей улицы в распахнутое окно.

— На сколько долго? — наученная доверять подобным заявлениям Масдая, она уточнила лишь продолжительность осадков.

Ковер задумался на пару секунд и изрек:

— Крайние кисти ломит. Передние сильнее, чем задние. Значит, дня на три. Не меньше.

— Сколько?! — царевич выпустил из рук незакрепленную раму, и та с грохотом и намерениями деревянной гильотины обрушилась на оставленный на ее пути пухлый том.

Иванушка ойкнул, словно дубовая конструкция придавила не хозяйский рыцарский роман, а его пальцы, поспешил освободить из-под гнета пострадавший ни за что фолиант и принялся взволнованно осматривать: нет ли переломов суперобложки, растяжений корешка или вывихов страниц.

— А ты уверен, Масдай? — Серафима перестала одеваться и нахмурилась в окошко почище протекшего неба.

— Ну может и не три... — не стало упираться

и покладисто пошло на попятную их воздушное судно. — Может, пять... Или неделю...

— Ты это серьезно?! — разочарования лукоморцев с излишком хватило бы на весь городок и пару соседних деревень в придачу.

— Вполне, — несколько обиженно сообщил ковер. — Когда это было, чтобы я ошибался?

Супруги переглянулись и грустно вздохнули. Такого случая, как ни хотелось бы его припомнить — хотя бы для создания прецедента — в их истории дружбы со старым ковром-самолетом не было.

— А на улице дождь идет...

В сопровождении того, что в устах сурового отряжского конунга сходило за «доброе утро», «можно войти» и прочие южные политесы и экивоки одновременно, дверь распахнулась, и тут же раздался стук, смачный и глухой.

— Хель и преисподняя!!!.. Ну на кого тут только такие двери делают!? На мышей, что ли?!..

Раздраженно потирая лоб, усаженный еще со вчера припухлостями от встреч с местными притолоками, в номер лукоморцев сердито ввалился двухметровый правитель далекой Отрягии, загораживая наглухо дверной проем, доселе казавшийся не таким уж и узким. Иванушка сочувственно поморщился.

— Третья?

— Шестая... И еще четыре на макушке. В

моей комнате посредине потолка еще и балка проходит... Хоть в шлеме не ходи!

— Так и ходил бы, — резонно предложила Сенька.

— Ходил... Да рога застревают, — нехотя признался Олаф. — Пару раз даже топором вырубать пришлось. Да еще всю полировку на шлеме об их штукатурку испоганил...

— Топором?! Потолок?! — ужаснулся Иван. — Это ж сколько хозяину заплатить придется?!

Олаф задумался.

— Да ладно, — в конце концов он махнул огромной, как сковородка, лапой, едва не снеся с прикроватной тумбочки светильник. — Вечером снова наточу. А шлем отполирую. Не нужны мне его деньги. Пусть лучше заново свой потолок покрасит. И кровать новую купит. Подлиньше. И стул. Покрепче. Ну, и стол заодно... и посуду там всякую, лампу тоже...

Сенька фыркнула в кулак.

— Ну ты, друг, как гиппопотам...

— Как гипо... по... где?

— Сеня сравнила тебя с бегемотом. По научному — гиппопотамом. Это такой большой узамбарский зверь. Очень тяжелый и сильный. И... ломает всё.

Олаф смутился и принялся яростно

оправдываться — словно от гиппопотама отбиваться:

— А какой дурак под локти нормальным людям подставляет всё, что бьется с первого удара? И ножки кто у стульев делает, словно из спичек? И кровати — как на кукол, ноги не вытянуть, чтобы чего не своротить!.. И...

— Они не ожидали твоего приезда, — тактично предположил Иван.

Лицо конунга просветлело.

— Так в следующий раз им заранее сообщать надо, значит!

— Чтобы успели заколотить гостиницу и сбежать подальше, — ухмыльнувшись, царевна закончила идею приятеля.

— Кхм, — поспешно отвернулся к окошку Иван.

— Кстати, надолго зарядило-то, не знаете? — отряг, смешавшийся на почве конфликтующих эмоций, элегантно перешел к нейтральной теме.

— Дня на три — минимум, — с мрачным удовлетворением повторил с каминной полки ковер первый вариант своего прогноза.

— Зря мы тем мухоморщикам бывшим парус отдали, — расстроено поджала губы царевна и выглянула в окно. — Сейчас бы накрыть Масдая ой как пригодился... Не панацея, естественно, но хоть от постоянного двора к постоянному двору короткими

перелетами смогли бы добираться... наверное.

— Но должны же они были как-то до дома доплыть, Сеня, — с укоризной напомнил муж. — У них ведь даже весел не осталось!

— Руками бы догребли, — недовольно пробурчала Серафима: старые обиды уходят неохотно.

— Сень, но ты ведь так на самом деле не думаешь...

— Думать я про них еще буду!.. — фыркнула она по инерции но, вспомнив о вечном мире и коммерции, обещанных Лесогорью молодым конунгом, великодушно успокоилась. — Адалет уже встал? Олаф, не видел?

— Встал, и уже знает, что нужно делать, чтобы продолжить путь без задержки! — раздался бодрый голос старичка из-за необъятной спины отряга.

— Вы сможете разогнать тучи? — оживился северянин.

— Остановить дождь? — с благоговением предположил Иван.

— Узнать, где подешевле купить коней? — недоверчиво прищурилась царевна.

— Оставь такую ерунду непосвященным в древние таинства магии, девица Серафима, — снисходительно фыркнул чародей. — И вмешиваться в деяния природы нам тоже нужды

нет, молодые люди. Ведь мне известно средство получше...

Средством получше оказалось одно старое, но простое заклинание. Пять минут усердных пассов и вдохновенного бормотания — и маг-хранитель самодовольно выпрямился во все доступные ему метр шестьдесят и окинул гордым взором застывшую в почтительном внимании аудиторию.

— Воды! — скомандовал за плечо волшебник, буравя горящим взглядом из-под кустистых бровей нервно подрагивающего кистями Масдая.

— Зачем? — не понял Олаф.

— Проведем демонстрацию гидрофобного эффекта, — милостиво снизошел до объяснений маг.

Уразумев из всего сказанного только первое слово, отряг тем не менее послушно протянул старику полный кувшин воды, предназначенной для утреннего омовения супружеской пары.

— Столько хватит?

— Столько лишне!!! — осознав, что собирается делать Адалет, в панике возопил ковер. — Прекратите немедленно!!! Я требую!!! Я прика...

Но было поздно.

Торжествующе улыбаясь, чародей медленно вылил на застывшего от ужаса Масдая все два литра с половиною.

Ковер ахнул, зрители охнули...

Вода, собравшись в плоский толстый блин на поверхности вставших дыбом щетинок, постояла на месте с пару секунд, дрожа, и вдруг, будто надумав что-то, быстро и разом стекла вся на пол и юркнула в щели под доски.

— Сухой... — Сенька недоверчиво потрогала дрожащую от пережитого потрясения спину ковра, потерла палец о палец и поднесла к глазам. — Как только что с печки слез!..

— Ну а я что говорил! — усмехнулся Адалет, победно складывая короткие ручки на пухлой груди. — Кренделяция Шмонделя, пропорция четыре на два! И да устыдятся маловерные!

Признавая полное и безоговорочное поражение, Серафима развела руками.

— Устыдились.

— Ну, что? Собираемся? — деловито повернулся к выходу отряг.

— Вперед! — бодро возглавил процессию старичок.

— Только я одного не поняла, — задумчиво проговорила царевна вослед бодро удаляющимся по коридору спинам. — На нас он тоже шменделяцию Кренделя наложит, или всё-таки стоит разориться на плащи?

— Кренделяцию Шмонделя, — дотошно поправил Иван.

— Да какая в крендель разница!..

Лицо супруга задумчиво вытянулось.

— Наверное, есть... И вообще: тронемся в путь — станет видно. Адалет — великий маг! — оптимистично закончил лукоморец и принялся проворно упаковывать в вещмешок извлеченные на ночь пожитки.

После первых пяти минут пути всё стало действительно видно. И даже виднее, чем всей честной компании того хотелось бы.

Первым тревогу поднял Масдай.

— А вам не кажется, уважаемый маг, что заклинание ваше то ли поизносилось, то ли прохудилось? — нервно подрагивая ворсинками, брюзгливо поинтересовался шершавый шерстяной голос.

— В смысле? — снисходительно фыркнул из-под капюшона нового плаща Адалет: к разочарованию путников, гидрофобность на одушевленных существ наложению не подлежала.

— В смысле, вода на меня льет, как из ведра, вот в каком смысле! — огрызнулся ковер.

— Ну естественно, — важно подтвердил старик. — Льет. На то он и ливень. Только вода эта на тебе не задерживается. Как в гостинице.

— В гостинице не задерживалась, — терпеливо согласился Масдай. — А сейчас задерживается, скапливается и даже, по-моему,

размножается.

— Не может быть, — сказал, как отрезал волшебник и высокомерно оттопырил нижнюю губу. — Это тебе кажется. Автоиндуцированная гидрофобия. В сопровождении параноидального синдрома.

— Значит, фобия? — переспросил ковер.

— Да.

— В сопровождении синдрома?

— Именно, — авторитетно кивнул старичок. — Так что, успокойся и...

— Успокоиться?!.. Успокоиться?!..

Долготерпение, качество и при иных обстоятельствах не входящее даже в седьмой десяток добродетелей ковра, растаяло под потоками лотранского ливня как рафинад, и Масдай — само воплощение гидрофобии на Белом Свете — взорвался возмущением и брызгами.

— Хорошо, я успокоюсь! Я-то успокоюсь, да, пожалуйста, хоть сейчас!.. Но только когда через полкилометра мы грохнемся...

— Да никуда мы не грохнемся! И вообще, мне непонятно твое паникерское настроение! — сердито пристукнул пухлым кулачком по спине их воздушного корабля чародей, задетый за самое болезненное, после пребывания в стране отряжских богов еще не совсем отошедшее — искусство и репутацию старейшего на Белом Свете мага.

— Хорошо, поправка принимается, — сквозь стиснутые ворсинки с ядовитой любезностью согласился Масдай. — Когда через полкилометра Я упаду, надеюсь, что никакие фобии и синдромы не помешают вам счастливо продолжить свой путь!

— Не вижу оснований... — оскорбленно вскинулся было Адалет, но тут конец научной дискуссии положила царевич.

— Поглядите... Он действительно промокает! — тревожно продемонстрировал Иванушка спутникам пальцы мокрые то ли от воды, льющейся с неба, то ли от воды, уже успевшей впитаться в шатт-аль-шейхскую шерсть.

— Масдай, разворачиваемся — и обратно, — вздохнула Серафима. — Кажется, магия и впрямь дала течь...

Как ни бился Адалет, как ни пытался исхитриться и приспособиться, но его заклинание водонепроницаемости с позорным пшиком без вести пропадало каждый раз, когда на ковер садился хоть один человек.

— Хм-хм-хм... Какие мы там перебрали комбинации и варианты? — после полутора часов потерянного времени и двадцати литров вылитой на дрожащего от злости Масдая воды, волшебник решил сделать передышку и потянулся в карман за блокнотом, благополучно утерянным еще после третьего эксперимента.

— Никто не видел моего... э-э-э?..

— Нет, — озадаченно пожали плечами друзья, перерыв всю комнату.

Ковер мстительно промолчал.

— Ладно, так вспомню, — с раздражением отмахнулся Адалет и принялся загибать пальцы, хмуро косясь на Масдая, словно и дождь, и бесполезные заклинания, и потерянное время, и пропавший блокнот — всё было исключительно его виной.¹

— Двойное нанесение непромокаемости пробовали... — стал медленно проговаривать он, сосредоточенно покусывая недоеденный за время экспериментов карандаш. — Трансгрессию перпендикулярных потоков Никовальди пробовали... Модуляцию случайного вектора гидрофильности тоже... Гиперрастяжение межструйных расстояний... так... Мобильное стасисное поле Бугенгерца... угу...

Сенька вздохнула и незаметно исчезла, но появилась как раз под занавес внушительного списка напрасных усилий.

— ...кренделяция Шмонделя в пропорции четыре на три... потом четыре на четыре... и, наконец, четыре на...

¹ В трех из четырех обвинений он был всё-таки неправ.

— Десять, — громко сообщила всем заинтересованным лицам она.

— Десять?.. — сбитый с толку, удивленно оглянувшись волшебник. — Десять?.. Что за бред! Десять! Ха! Самому Шмонделю не пришло бы в голову ничего подобного, Серафима, а ведь какой только бред не приходил ему в голову, как сейчас помню!.. Нет, девица. Десять — исключено.

— Но на меньшее он не согласен, — пожала плечами царевна. — И я бы на его месте не согласилась.

— Кто? — заморгал непонимающе Иван.

— Ну, этот...

— Шмондель?!.. — маг вытаращил глаза и выронил промокший, как лягуша, любимый блокнот, обретенный минутой раньше из-под сочащегося холодной водой брюха Масдая.

— Сам ты... такое слово... твое премудрие, — обиженно насупилась в адрес волшебника Сенька. — Я о хозяине гостиницы говорю, о Клаусе! Или Клаасе? Или как там его? Не важно. И, конечно, о лошадях. Лошади неплохие. Лично проверила. И если принять во внимание, что в эту сумму он поспешил включить стоимость ремонта комнаты Олафа, которую увидел только после нашего отъезда, и цену новой штукатурки для протекшего отчего-то под нами потолка зала, то сорок кронеров с нас всех — совсем неплохая цена.

Олаф застыл, натужно таращась в потолок и с выражением неземной муки на конопатой физиономии шевеля губами: высшая математика никогда не давалась ему легко.

Иван и чародей с задачкой справились быстро.

— Масдай поедет с кем-то из нас? — уточнил старик.

Сенька хотела сострить, но махнула рукой, и для разнообразия просто ответила «да».

— Десять кронеров за одного коня — это весьма сходная цена, — удивленно покачал головой Адалет.

— И ты говоришь, что мастер Клаас еще и захотел включить стоимость ремонта в стоимость лошадей? — царевич с недоумением уставился в честные супружны очи.

— Он так сказал, не я, — снова надулась Серафима.

Но пока сконфуженный своей бестактностью и постыдной недоверчивостью Иванушка тщетно искал подходящие для извинения слова, весьма успешно краснея при этом, она отвернулась с видом оскорбленной невинности и еле слышно пробормотала себе под нос:

— Правда, никто не утверждает, что он этого *хотел* .

С видом ученого, остановленного на пороге гениального открытия с занесенной для стука

рукой, Адалет сунул блокнот мимо кармана, искал и не нашел заложённый за ухо карандаш и снова обратил свое внимание на многострадального Масдая.

— Если бы у нас было побольше времени, я практически уверен, что смог бы разрешить эту проблему, небольшую, но действующую на нервы...

— На нервы, основу, кисти и ворс, — брюзгливо уточнил ковер.

— Вообще-то, я себя имел в виду! — недовольный прерыванием чародей дернул бородой, мокрой, как он сам и всё вокруг него в радиусе десяти метров. — Но я вижу, никого здесь не интересует, что величайший боевой маг всех эпох и народов занимается всякой ерундой в жалкой сырой каморке как какое-нибудь доброе бюро дурацких услуг... или наоборот?.. Неважно! Что я имел в виду, так это что в то время как Белый Свет дрожит перед перекошенной злобной мордой смертельной опасности, я, самый могучий волшебник во всем Белом Свете... Я... Э-э-э... Кхм. О чем это я?

— О морде.

— О нервах.

— О Белом Свете.

Три полезных подсказки прозвучали почти одновременно.

Адалет фыркнул, задумался на мгновение, собирая разбежавшиеся мысли в кучку, и горделиво продолжил, обращаясь к расстеленному почти во всю комнатку Масдаю:

— Что я действительно имел в виду, так это то, что я, безусловно, с минуты на минуту мог бы найти новую формулу, которая облагодетельствовала бы всех промокших путешественников Белого Света. Но из-за проклятой спешки иногда приходится откладывать самые благие наши начинания. Что ж. Станем довольствоваться малым. Сейчас я наложу на тебя сушильные чары, мы замотаем тебя в брезент,² и к вечеру ты будешь сух, как дно Песчаного океана.

— А поскорее?

— Поскорее? — сварливо усмехнулся старик. — Пожалуйста. Хоть сию секунду. Но помни аксиому Пиромани: скорость высушивания прямо пропорциональна вероятности возгорания

² Надеюсь, не стоит пояснять, что говоря «мы» в данном случае, маг имел в виду «все остальные, кроме меня». И был абсолютно прав. Заматывание вручную ковров в брезент было не чародейским делом. Вот если бы этот процесс требовал некоего магического усилия... Но для этого потребовалось бы поэкспериментировать. Во время, оставшееся от изобретения формулы, предназначенной для облагодетельствования промокшего населения Белого Света, естественно.

высушиваемого объекта.

— Ну хорошо, уговорил, — несколько поспешнее, чем позволяло его чувство достоинства, согласился ковер. — К вечеру — так к вечеру. Не то, чтобы я куда-то спешил.

Адалет, больше не замечая вокруг себя никого и ничего, вылетел из комнаты в коридор мрачнее целого грозового фронта. Олаф последовал было за ним, но на пороге остановился, повернулся к лукоморцам и, нерешительно откашлявшись, произнес:

— Слушайте, ребята... Я тут, что наш кудесник говорил... про волхвования свои... ни хела горячего не понял. Кроме одного слова. Но и его — не совсем, а почти... Половину понял, а половину... как бы не совсем... А интересно ведь... Все-таки единственное слово...

— Какое? — уточнил Иванушка. — Если мы знаем — скажем, конечно!

— Он тут столько налопотал, — покачивая головой, добавила царевна, — что без высшего волшебного образования ни в жисть не разобрать.

— Гипер...растяжение... чего-то там?.. Кажется?.. — наморщил лоб и с сомнением выговорил молодой конунг, будто не доверяя своим собственным словам.

— А-а... «Гипер» — это приставка такая научная, — охотно пустился в пояснения Иван. —

Означает «повышенное». А есть еще противоположная ей — «гипо». То есть, «пониженное». Поня...тно?..

Царевич не ожидал, что его популяризация древнестеллийского языка произведет на отряга такое впечатление.

Рыжий воин вытаращил глаза, потом заморгал, словно пытаясь выгнать соринку, потом нахмурил лоб так, будто хотел, чтобы одна бровь полностью наехала на другую... На мужественной его физиономии отразился неостановимый ход массивных, как континенты, мыслительных процессов, извержение погребенных доселе под толщей гранита подкорки вулканов логики, и — наконец-то! — радость просветления.

— Понятно!!! — как рыжее воинственное солнышко, отряг просиял из-под огненных спутанных прядей неуправляемой, как и он сам, шевелюры. — Конечно, понятно! Теперь я всё понял! «Гипер» — «повышенное», а «гипо» — «пониженное»! Значит, гиппопотам — это маленький большой бегемот, а есть еще гиперпотам — бегемотище огромный! Вот бы на такого поохотиться!..

— Но Олаф!.. Такого зверя нет!

— Как так — «нет»? Название есть, а зверя нет? Так не бывает. Если его еще никто не встретил, это не значит, что его нет, — с

убийственной логикой охотника со стажем подытожил дискуссию отряг, подмигнул оторопевшему Иван и, насвистывая бравурный марш, бодро поспешил в свою комнату.

Не забыв при этом стукнуться лбом о притолоку.

Дорога, вышедшая из Бюргербурга ровной прямой широкой полосой, недолго продолжала свое образцовое поведение. Через десяток километров выложенный утрамбованным в грязь булыжником путь начал незаметно сужаться, петлять, и кончил тем, что, возжелав перемен и разнообразия после долгой скучной равнины, принялся сначала неспешно, а потом всё энергичнее и увлеченнее карабкаться вверх.

Впрочем, у него было веское оправдание такому легкомысленному для солидного торгового маршрута поведению: из земли перед ним постепенно и степенно стали расти горы.

Горы горам рознь, как сказал неизвестный философ. Бывают горы — аристократы своего рода: холодные, седоголовые, отстраненные, неприступные, равнодушно вззирающие на копошащихся у их подножия суетливых двуногих и окатывающие их ледяным презрением лавин и обвалов, если те осмеливаются нарушить незримую, но прекрасно известную обоим классам дистанцию.

Бываю горы одомашненные. Приземистые, обросшие лесом, кустарником и избушками охотников, они радушно приветствуют всех, кто, проходя мимо, заскочит на пару дней-недель-десятилетий, чтобы разделить с ними их стариковское одиночество, щедро одаряя гостей пушниной, дровами или рудой — что кому надобно.

Но случаются и горы совсем иные: беспорядочная груда бесформенных, безликих, бесполезных камней всех вообразимых и не слишком форм и размеров, хаотично наваленных в неопрятные и непреодолимые массивы, словно какой-то сверхгигант или бог делал уборку в своем доме, замел весь скопившийся за сто тысячелетий мусор на совок и, не глядя, высыпал его содержимое на задний двор.

Горы без лица и стиля.

Горы — люмпены.

Если бы они были людьми, они стали бы уличными грабителями.

Экспедиционный корпус по нейтрализации Гаурдака оказался именно в таком негостеприимном окружении.

— Вот ведь хвост-чешуя... — Олаф уныло задрал голову в поисках горизонта, пропавшего из виду еще три часа назад, и на мрачную его физиономию посыпались, как из прохудившегося

сита, редкие холодные капли дождя. Он фыркнул и поспешил утереться рукавом.

— И кто придумал наворотить именно здесь такую хелову кучу камней?.. — сквозь зубы проворчал отряг.

— Ага! Ты это заметил? Не ждал от тебя, не ждал!.. А ведь, меж тем, это безумно интересная история! Смотрите внимательно!.. — остановил своего скакуна и с готовностью затараторил Адалет, увлеченно тыкая посохом то направо, то налево. — Современная наука полагает, что при катаклизме, который сопровождал Большой Эксперимент, горные породы в середине бывшего шара слиплись от сверхвысоких температур, и когда тот распался на два полушария, так и остались на нашей половине...

Было похоже, что от затянувшегося дорожного молчания он страдал не меньше, чем от тягот горной дороги, преодолеваемой верхом не на ковче-самолете, а на мерине-самотрясе.

Путники остановили своих лошадей и по совету мага честно попытались углядеть внимательно что-нибудь еще более безумно интересное, чем лысые серые камни и разбитый неровный лотранский хайвэй.

— ...Но чтобы проверить правильность данной гипотезы, надо отправить экспедицию на Левое полушарие и убедиться, есть ли там на

симметричном данной локации месте аналогичная впадина. Деяние, достойное настоящих героев! А, конунг?

И волшебник заговорщицки подмигнул рыжему воину и хитро ухмыльнулся.

Грозного отряга, казалось, поразила внезапная глухота.

С не менее каменным лицом, чем весь окружавший его ландшафт вместе взятый, он грузно начал сползать со своего старого тяжеловоза — единственного коня из стойл мастера Клааса, способного без немедленного приступа радикулита нести двухметрового всадника в полном походном снаряжении. Но когда до заветной земли оставались считанные сантиметры, нога его попала на вывороченный из дороги булыжник, подвернулась, и всё вымученное самообладание и невозмутимость покинули Олафа в одно дыхание.

— Хель и преисподняя!!!.. — свирепо взревел он и ожег нависающие над их головой голые негостеприимные скалы таким взглядом, словно они учинили ему и всему его роду смертельную обиду и собирались проделать этот трюк еще раз и неоднократно.

Получасовые верховые прогулки по городу медленным шагом на заморских трофейных конях для демонстрации мощи и богатства правящего дома, и путь длиной почти в полдня — вещи

определенно разные, отчетливо ощутил он на собственном опыте.³

Скрывая от друга сочувственный взгляд, Иванушка быстро проговорил:

— Что-то я тоже притомился. Может, привал устроим?

Потухшие было глаза волшебника вспыхнули радостным огнем.

— Привал — замечательная идея! — потер он мокрые ладошки и — Иванушка мог бы поклясться! — телепортировался под копыта своего иноходца.

— А может, лучше еще немного проедем? — как бы невзначай предложила царевна, но под кровожадными взорами отряга и чародея поспешила пояснить: — Я карту Адалета смотрела. Вот, полюбуйте сами.

Иванушка взял атлас гужевых дорог Забугорья из рук жены и развернул на шее коня, бережно прикрыв полой плаща от всепроникающего дождя.

Царевна ссыпала в карман мелкие камушки, которыми лениво жонглировала по дороге, и принялась комментировать представшую взору

³ Или, как с ухмылкой прокомментировала бы Сенька, и на опыте тоже.

супруга картину, тыкая для наглядности пальцем в замызганный ломкий пергамент:

— Мы сейчас здесь, вот на этом крутом повороте между двумя почти отвесными стенами. Если карта не врет, то километра через полтора у нас ожидается перевал, потом, почти сразу — долина, в ней — деревня, а уж там усталым путникам найдется что-нибудь помягче под себя подложить, чем мокрая каменюка.

— Перевал?..

— Долина?..

— Деревня?..

Маг и конунг переглянулись, вздохнули и медленно, но мужественно кивнули.

— Давай свою долину...

— Если только меня кто-нибудь телепортирует обратно...

Карта не врала.

Она слегка кривила душой и масштабами.

Вождеденный перевал случился километра на три позже, чем было обещано куском древнего пергамента, собственностью и — не исключено — ровесником славного мага-хранителя.

С безмолвным укором⁴ взирал изнеможенный кудесник волшебных наук из-под нависшего,

⁴ Потому что слов уже не хватало.

набрякшего влагой небесной капюшона плаща, как анахорет из пещеры, на окружающую его действительность, включающую в себя все виды и формы горных пород, кроме одной: ведущей вниз. И поэтому не заметил, как поперек дороги, прямо перед его носом, с неба опустился полосатый шест.

— Вы находитесь на границе Багинота! — строго прогремело откуда-то из кучи камней, справа от единственного ровного, хоть и неприлично узкого участка дороги на несколько десятков километров вокруг. И под изумленными взглядами усталых путников гряда булыжника превратилась в грубо сложенную из единственного доступного подручного материала сторожку, полосатый шест — в шлагбаум, а требовательный голос обрел хозяина.

Тучный человек в небрежно запахнутом красном плаще поверх черного бархатного камзола в пене щегольских кружев выступил на дорогу из своего каменного укрытия и небрежным жестом протянул руку.

— С вас сорок кронеров.

— Бог подаст, — елейным голоском прощбетала Сенька и тронула кобылу, аккуратно объехав оторопевшего от такого поворота событий толстяка.

Олаф, как будто не было за спиной нескольких часов изнуряющего пути, плавным

движением перехватил из-за спины топор и как бы невзначай оказался рядом с царевной.

— Ты бы, южанин, палочку-то свою убрал бы, — не столько предлагая, сколько советуя, проговорил он. — Если она тебе еще нужна будет.

— Извините, господин, — вступил в разговор и Иванушка. — Но мы считаем вашу просьбу несколько... то есть, нисколько не обоснованной. Дело в том, что это — территория Лотрании. Не хотел бы вас огорчать, но никакого Багинота в природе не существует, а посему никакой границы здесь нет и быть не может. До свидания. Приятно было познакомиться.

Серафима никогда еще не имела возможности наблюдать, чтобы простое непонимание на чьей бы то ни было физиономии так стремительно сменилось первобытным его воплощением — ошарашенным ошеломлением на грани истерики.

— Как... нет?.. — толстяк покраснел в тон плащу, обернулся с живостью, заподозрить в какой его было нельзя еще минуту назад, и принялся разглядывать что-то вдаль, то привставая на цыпочки, то приседая, то вытягивая шею. — Как — нет?.. Не может быть... Не может быть...

— Ну же, ну... Нет — и не надо, и пень с ним, с твоим Багинотом! Из-за всякой чепухи так расстраиваться — никаких нервов не хватит... — Сенька утешающе похлопала его по мокрому

красному плечу. — А в твоём возрасте и при твоей комплекции это вообще чревато апокалиптическим ударом. Вот и волшебник это подтвердит.

— Я — боевой маг! — автоматически, но с должным пафосом прогудел из-под капюшона Адалет.

Десяток солдат на господствующих высотах, уже направившие было свои арбалеты на несговорчивых странников, застыли на пол-движении, подумали над своими действиями еще раз, и благоразумно пришли к иному решению.

— Извините, господа путешественники, одну минутку, — устремился к ним сухощавый высокий стрелок в начищенной до блеска кирасе и таком же сияющем под дождем шлеме с тощим пером цвета хаки, ловко перепрыгивая с камня на камень, словно архар. Его архаровцы с неподдельным интересом следили за развитием событий с прежних позиций, позабыв про арбалеты.

— А этому что еще надо? — шепотом, разносящимся вызывающим камнепады и оползней эхом, сурово пробасил Олаф.

— Не знаю, — пожал плечами Иванушка.

— Тоже, наверное, деньги просить будет, — брюзгливо предположил Адалет. — По лицу вижу.

— Похоже, их тут целая шайка побирушек, — неодобрительно заметила царевна. — А в будке — притон. Злачное место. Ехать отсюда надо скорей.

— Добрый день, господин маг... — оттесняя штатского, заламывающего руки и жалобно бормочущего в бурном смятении чувств, офицер преградил им дорогу.

— ...и его спутники тоже, — гладко закончил он, окинув оценивающим взглядом остальных путешественников. — Видите ли... Главный сборщик пограничных налогов и пошлин мастер Гюнтер — человек пожилой, нервный... И встретив первый раз в жизни людей, которые ничего не слышали о Багинотском королевстве, растерялся. Но не обращайтесь внимания. Это пройдет. Вы сами-то, наверное, издалека будете?

— Да, — насупился и кивнул старик, не углубляясь в подробности.

— И... вы действительно боевой маг?

На подобный вопрос у чародея во все времена следовал один ответ — развернутая и подробная демонстрация всех своих способностей и возможностей, и да убоятся не спрятавшиеся вовремя маловерные.

И сейчас Адалет грозно сдвинул седые брови, потянулся за прикрепленным сзади к седлу посохом... и к смятению своему вдруг понял, что после нескольких часов тряской горной дороги и вездесущего холодного дождя чувствует себя так, будто это не мерин его, а он мерина втащил на собственной спине на высоту четырех сотен метров

над уровнем моря.

Сдавленно охнув от боли в затекшей пояснице, маг срочно решил ограничиться троекратным похлопыванием кончиками пальцев по орудию своего ремесла,⁵ и то ли усмехнулся, то ли покривился.

— Да...

Приняв полученный ответ как должное, бравый военный воодушевленно продолжил:

— Поразительно! Замечательно! Кто бы мог подумать!.. Как это вовр... восхитительно, я имел в виду. И... э-э-э... Кхм. О чем это я?.. Ах, да. Королевство наше небольшое, хотел я сказать, но занимает очень важное место в коммерции Белого Света, ведь через него проходит самый оживленный торговый маршрут Северного Забугорья!

— Да?

Заинтригованные, путники ощупали придирчивыми взглядами оставшуюся позади и маячащую впереди дорогу.

Потом еще раз.

И еще.

Кроме высунувшейся из-под неуклюжего кособокого валуна и тут же спрятавшейся ящерики, другого движения на самом оживленном торговом

⁵ Чем дотянулся, тем и похлопал.

маршруте Северного Забугорья замечено не было.

Офицер, может, и смутился, заметив их действия, но речи не прервал.

— Да-да! Самый короткий путь из Среднего Забугорья в Западное лежит через эти горы и нашу долину, где в столице — славном граде Багиноте, в честь которого и названо государство — усталые путники могут отдохнуть на одном из восьмидесяти восьми постоянных дворов, пополнить припасы, сменить или подковать лошадей и отремонтировать возы. Самые низкие цены в радиусе двадцати километров, надо заметить. Но, как говорит наш известный философ Бруно Багинотский, за всё бесплатное приходится когда-нибудь платить. И поэтому при пересечении границы нашего королевства путешественники, следующие с коммерческой или иной целью, обязаны внести в казну королевства небольшую сумму.

— Сорок кронеров вы называете небольшой суммой?! — не выдержал Адалет.

— Но с одного человека получается только десять! — умиротворяюще вскинул ладони офицер. — А если посчитать еще и лошадей, то всего пять!

— Не пойдет, — упрямо мотнула головой Сенька.

— Почему? — искренне огорчился офицер.

— Мы не собираемся отдыхать на ваших

дворах, — принялась загибать она пальцы. — Мы не станем ничего у вас покупать или подковывать. И возов, нуждающихся в ремонте, равно как и каких-либо других возов, у нас нет. А первое правило столь лелеемой вами коммерции — «нет услуги — нет оплаты».

— Но... но... — растерялся военный и лихорадочно зашарил вокруг себя глазами в поисках вдохновения.

И нашел его.

— Но тогда вам придется заплатить за дорогу. Вы же не можете отрицать, что рассчитываете воспользоваться нашей дорогой?

— А что в ней такого особенного?

— Она... На территории Багинота она гораздо ровнее, чище и шире, чем за его пределами!

— Ну и что? Мы обожаем узкие неровные грязные дороги, — холодно пожала плечами царевна.

— Но только по нашей дороге ваши кони могут развить скорость до трехсот километров в час!

— Не могут, — решительно констатировал Олаф. — Ни одна лошадь не может.

— Это уже ваша проблема, — с сожалением развел руками офицер. — А дело нашего королевства — предоставить такие дороги. И мы свою часть сделки выполнили. А второе правило

коммерции — «есть услуга — есть оплата»...

— Половина услуги!

— Хорошо, половина. Поэтому двадцать кронеров — с вас. И ни единорогом меньше.

Вздыхнув и тоскливо помянув добрым тихим словом капризы лотранской погоды, принудившие их спешиться, Серафима — казначей их маленького экспедиционного корпуса — вытащила из кармана кошелек и, скрепя сердце и скрипя зубами, отсчитала в протянутую руку багинотца двадцать серебряных монет.

С удовлетворенным кивком тот пересчитал их еще раз и аккуратно ссыпал в свой тощий кожаный кошель с тесненной золотой короной.

— Милости прошу в нашу гостеприимную страну! — деловито спрятал он кошелек под плащом и дал знак солдату у шлагбаума поднимать полосатую преграду.

На хмурой физиономии царевны неуловимо промелькнула тень внутренней борьбы, мгновенно начатой и так же ментально проигранной, и тут, как с испугом подумал ее супруг, на Сеньку накатило.

Она соскочила на землю, вцепилась в правую руку офицера и долго энергично трясла, от всей души молотя его при этом по спине, потом принялась в экстазе обнимать его, будто потерянного во младенчестве прадеда.

— Была рада познакомиться с таким бдительным стражем своей границы! Поразительное знание экономики! И философии! И караульного устава! И основ краеведения! Потрясающе! Неописуемо! Умопомрачительно! Офицер, я уверена, как сто философов, что твое следующее звание — генерал! Да что там генерал — маршал! Или нет! Подымай выше! Фельдмаршальское звание по тебе плачет! Орел! Сокол! Беркут! Стервятник!..

Через три минуты кавалькада отъехала от багинотского КПП, не развив, несмотря на все старания воспользоваться оплаченной услугой, и пятнадцатой части от расчетной скорости дорожного полотна.

Слегка оглушенный и более чем слегка ошарашенный, провожал их долгим изумленным взглядом до самого поворота озадаченный начальник караула.

Из сторожки доносились прерывистые всхлипы и вздохи огорчившегося, похоже, не на шутку мастера Гюнтера.

Когда КПП Багинотской пограничной заставы скрылось из вида за очередной россыпью валунов величиной с дом, дорога быстро пошла вниз, и спустя несколько минут полилась ровной булыжной лентой по долине обетованной.

Главный город таинственно появившегося на

карте и лице Белого Света королевства был виден еще с третьего от перевала поворота, и с каждым виражом багинотского суперхайвэя становился всё ближе, различимее и ординарнее. Если бы кто-нибудь под страхом отъема вторых двадцати кронеров потребовал сходу назвать десять отличий Багинота от Бюргербурга, путники сразу отдали бы деньги. Первым и единственным бросающимся в глаза различием были бы строительные леса, опутавшие дома. Целый лес лесов, если быть точным.

Иванушка оторвал задумчивый взгляд от страдающего тяжелой формой строительной лихорадки Багинота, снова развернул карту и еще раз, повнимательнее, всмотрелся в то ее место, которое они намеревались посетить сейчас вживую.

— Карте всего сто тринадцать лет. И сто тринадцать лет назад никакого Багинота тут не было. Ни города, ни страны, — спустя минуту пристального изучения объявил он в пространство, отчего-то старательно не глядя на супругу. — Деревня, которая тут обозначена, называется Бараньи Надавыши. Интересно, что это такое?..

Но вариантов ответа и на этот вопрос из области географии свежеиспеченного королевства не было, и лукоморец, засунув пергамент обратно в тубус, уныло ссутулился и продолжил путь в невеселом молчании и тревожных размышлениях.

Едва кавалькада спустилась с гор, как почти сразу их встретили маленькие фермы, а потом и городские дома, среди которых затерялись восемьдесят восемь постоянных дворов, ни на одном из которых усталым путникам нельзя было отдохнуть, пополнить припасы, сменить или подковать лошадей, и даже купить, отремонтировать и снова продать возы.

Но если нельзя, но очень хочется, значит, можно, изрек когда-то неизвестный мудрец. И путешественники сейчас, ничтоже сумняшеся, намеревались поступить именно так.

Счастливый конец?

Не совсем.

И не для всех.

Иванушка осторожно вдохнул, потом так же тихонько выдохнул, собрал смелость и волю в кулак, и с холодящим ожиданием катастрофы искоса глянул на супругу, притихшую справа от него.

Необратимых изменений и патологий внешне, вроде бы, не наблюдалось.

Пока?

Или всё загнано вовнутрь?

Ох, спаси-упаси...

Может, попробовать с ней заговорить? Всё равно ведь рано или поздно придется...

Удары судьбы надо принимать стойко.

По мере возможностей.

И с замиранием сердца и дрожью в голосе, царевич негромко позвал:

— С-сеня?.. Сеня?.. А, Сень?.. Как ты себя чувствуешь, солнышко? У тебя... ничего... не болит? Может... тебе чего-нибудь... хочется?

— На провокационные вопросы не отвечаю, — невольно ухмыльнулась и хмыкнула царевна.

Абсолютно нормально.

— Это я про «чего-нибудь хочется», — уточнила она. — А насчет остального... Четыре часа — полет нормальный. Тем более что скоро приземление. А что?

— Нет, ничего... — смешался Иванушка, шумно выдохнул и порозовел от облегчения. — Просто... ты так... неожиданно себя повела... там, на перевале...

— В смысле? — настороженно прищурилась Серафима.

— Ну... Обниматься полезла с этим...

Теперь, когда выяснилось, что любимая жена его была в здравом уме и твердой памяти, события последних пятнадцати минут приобретали совсем иную окраску и значение.

— ...с этим...

Иную окраску стали приобретать и щеки Иванушки.

— ...с этим... напыщенным... фанфароном... — сквозь зубы подобрал, наконец, царевич подходящие, с его точки зрения, эпитеты для начальника караула.

Теперь лицо его пылало, сжигаемое пламенем ревности.

— Ага, ты тоже заметил, что он, во-первых, напыщенный, во-вторых, фанфарон, и, в-третьих, скользкий тип! — обрадованно заулыбалась Серафима.

Иван опешил.

— Ты вправду считаешь, что он — фанфарон?.. И скользкий тип тоже?.. А чего ж ты тогда?!..

Сенька загадочно потупилась.

— У женщин свои секреты...

Уснувшая было Иванова ревность вновь встрепенулась, подняла голову и потянула носом, принюхиваясь к следу. Но продолжить допрос ставшей вдруг непонятной и взбалмошной супруги не позволил ему волшебник.

— А что касается меня, я вообще не понимаю, зачем тебе нужно было торговаться с этим взяточником, — сердито пробурчал он через плечо в затылок своего капюшона. — Ровно на базар пришла! Отдала бы ему сорок кронеров, и дело с концом! Тут люди страдают... в смысле, жаждут перемен... пейзажа... а она...

— У нас не было сорока кронеров, Адалет, — мгновенно посерьезнела и тихо ответила Серафима.

— Не было сорока кронеров? — искренне удивился Олаф рядом с ним, словно до этого жил в полной уверенности, что деньги рождаются в кошельках.

— А сколько у нас осталось сейчас? — забеспокоился Иван, чувствуя в накатившем финансовом кризисе свою немалую вину: щедрая помощь нескольким крестьянским семьям, на чьих полях с озимыми развернулись весенние боевые действия двух враждующих герцогов, и трупке бродячих актеров, ограбленной накануне разбойниками, была на его совести.

— Двадцать один, — коротко ответила царевна.

Адалет быстро произвел нехитрые вычисления.

— Как это у нас не было сорока кронеров, девочка, если ты отдала двадцать, да двадцать один у тебя остался...

— Ты неправильно считаешь, — неохотно поправила его Сенька и со скучающим видом устремила взор на верхушки скал. — У нас был двадцать один кронер. Офицеру я отдала двадцать. Но когда мы отъехали, у нас снова оказался двадцать один.

— Как это?.. — вытаращили глаза чародей и

конунг.

Иванушка же, знакомый не понаслышке с умениями и навыками своей супруги, способной отправить в лечебницу с острейшим воспалением комплекса неполноценности самого шатт-аль-шейхского вора, заподозрил неладное.

— Сеня?.. — нерешительно проговорил он.

— Я переложила ему в кошелек свои камушки, а деньги вернула тому, кому они больше всего были нужны, — вызывающе глянула ему в глаза царевна. — Но если ты считаешь, что всякие дармоеды имеют право драть три шкуры за то, чтобы честные люди ходили по их дорогам, сидели на их камнях и дышали их воздухом, то иди и верни им. На!

И она протянула ему печально звякнувший кошель.

Рука Ивана потянулась к деньгам, зависла и...

— Ага, то, что надо! — радостно вырвалось из уст чародея, а палец сам по себе ткнул в строгую черно-желтую вывеску дома слева, двухэтажного, беленого, с фасадом, перекрещенным черными балками, с гордой надписью на жестяной табличке «Ул. Бруно Багинотского». — Знахарь Хайнрик! Мази и заговоры для кавалеров, завершающих дальний путь верхом, охромевших лошадей, беременных женщ...

Взгляд его упал на отряга.

Весь его вид говорил о том, что он скорее признается, что он — беременная женщина, чем сообщит товарищам по оружию, что нуждается в помощи знахаря Хайнрика.

Или любого иного знахаря, травника или шептуна Белого Света.

— Парень, какого лешего!.. — от всей души, сердца и прочей анатомии возмущился маг-хранитель.

Иванушка взял из рук Сеньки кошелек и протянул его Адалету.

— Мой опыт общения с лошадьми подсказывает, что... — теперь уже лукоморец нечаянно встретился глазами с Олафом, и продолжение предложения тут же вылетело ^б из головы царевича. — Что... что... это... ну...

— Ваня хочет сказать, что к вечеру, судя по всем признакам, ваши кони могут захромать, — ловко подхватила выпавшее знамя из рук супруга царевна. — Поэтому ему кажется, что было бы разумным посетить знахаря Хайнрика и купить у него какое-нибудь снадобье... для копыт ваших иноходцев.

Над маленьким отрядом повисло напряженное

^б Чрезвычайно поспешно, оставив вещи и не оставив адреса.

молчание.

Нарушенное конунгом.

— Я... в своем карраке... был бы уверен как в самом себе... Но... Мьёлнир этих коней знает... что с ними к вечеру может случиться... Так что... наверное... это... х-хорошая... м-мысль... С-серафима... — через силу выдавил Олаф, сжимая луку седла своего престарелого двигателя телег так, будто намеревался раздавить ее.

Намеренно или нет, но ему это удалось.

Выступающая часть седла хрустнула, треснула и обмякла, словно тряпочная.

Отряг сконфужено крикнул.

— Бывает, — не хуже любого багинотского философа повела плечами Сенька.

— Бывает и хуже, — уточнил юный воин и вдруг смущенно ухмыльнулся.

Волшебник исподтишка покосился на конунга, увидел, что стена разрушена и крепость пала, кивнул с удовлетворением, и принялся осторожно спешиваться. С непроницаемым лицом юный правитель Отрягии последовал его примеру.

Лошадей у мастерской знахаря привязать было некуда, и оба искателя целительных наговоров и зелий вручили поводья своих скакунов друзьям.

— Подождете нас здесь?

— Да, конеч...

— Зачем здесь? Через дорогу, наискось, вон там, за памятником мужику бородатому, постоянный двор. Встречаемся там!

Ни Адалета, ни Олафа долго уговаривать не пришлось и, переступая, словно заводные солдатики — первая работа неуклюжего подмастерья — они быстро скрылись за дверями мастера Хайнрика.

— Поехали? — предложил Иванушка.

— Пое... Пстой! Вон мастерская алхимика — видишь вывеску?.. Оч-чень своевременно! Ты езжай, а я схожу туда — у нас утром кончилось мыло, и зубного порошка осталось на один зуб. Коней в конюшню не заводи, поставь их где-нибудь в сторонке, попроси сена и покорми их там. Платить меньше, — предваряя готовый сорваться с губ супруга вопрос, пояснила царевна. — Сейчас заскочу к знахарю, перехвачу денег у мужиков, и туда. Скоро появлюсь. С часок отдохнем, и вперед! До ночи выберемся отсюда, если карте верить, и спать будем уже в Эльгарде. Если его куда-нибудь не перенесли и не отменили, конечно. Ну ладно, давай иди! Не скучай!

— Не буду, — пообещал Иван, и именно с этим твердым намерением собрал в кулак поводья трех вверенных ему лошадей и направил своего коня к воротам постоянного двора с гордым названием «Бруно Багинотский».

Выбранный ими, а, может, судьбой, постоянный двор соответствовал только второй части своего наименования, потому что, даже на первый неискушенный взгляд Иванушки постояльцев на нем было негусто.

Равно как и желающих перебраться с обозом, семьей или просто с конем за компанию из Западного Забугорья в Среднее. Или, если уж на то пошло, в обратном направлении.

«Не удивительно, что короне приходится обирать путешественников на границе», — со стыдом припомнил царевич ловкий трюк супруги в горах. — «М-да... Неудобно как-то вышло... Может, Сеня выудила у офицера недельный бюджет королевства... Конечно, нам деньги сейчас очень нужны, потому что наши с Адалетом уже почти закончились, а в представлении Олафа собраться в дальнюю дорогу — значит взять с собой количество оружия, весом превышающее его собственные сто семьдесят килограмм, или сколько он там без фамильной кольчуги весит... Ну что ж. Будем считать, что мы у них взяли займы. Потом вернем...»

— Эй, парень! Отвали с этого места немедленно со своими лошадьми!

Раздумья лукоморца о мировой экономике были прерваны самым невежливым образом.

— Добрый день, — Иван поднял глаза, и

прямо перед мерином Адалета увидел невысокого лысого человека в добротном, хоть и слегка заношенном, мешковатом сюртуке, с чиненым котлом в руках. — Это вы мне?

— Нет, растяпа, твоей кляче! — любезно отозвался тот. — Чего в самых воротах-то встал? Веди свою кавалерию в другое место!

— Хорошо, мы уже уходим, — миролюбиво пожал плечами Иванушка, собрал в кулак все поводья и повел своих подопечных к колодцу. Но не успели все пятеро остановиться и оглядеться, как уже знакомый голос раздраженно просипел из-за плеча:

— Ну и чего ты тут делаешь? Сюда чуть не каждую минуту люди по воду приходят, водовоз с бочкой скоро подъехать должен, будет воду набирать, а ты тут вытаращился!

— Извините, я не подумал...

В третий раз подхватил Иванушка поводья недовольно косящихся на него лошадей и отбуксировал их к амбару.

Этого момента словно ждали. Потому что несколько секунд спустя в распахнутые ворота, гроыхая и грохоча, въехал воз, груженный пустыми бочками, и направился к месту стоянки Иванова непарнокопытного отряда.

— Эй, хозяин, открывай, тару вертаем взад! — гаркнул краснолицый бородатый возница, и лысый

обладатель неопрятного сюртука, размахивая на ходу своим котелком, прихрамывая, но вприпрыжку выбежал из-за ледника.

И, естественно, первым делом столкнулся с мерином.

А вторым — с Иваном.

— Это опять ты!.. Да переставишь ты когда-нибудь своих одров, или нет!!!..

И тут же, не дожидаясь реакции растерянного гостя, повернулся к возчику:

— Погоди, пришлю Гуго Шепелявого! Не до тебя сейчас! Полдня уже этот клепаный котелок до кухни донести не могу!

Развернувшись, хозяин «Бруно» яростно заковылял ко входу в гостиницу, но царевич, которому надоело быть футбольным мячиком, перепинываемым по всему двору, его окликнул.

— Погодите, мастер! Пойдите! Скажите, пожалуйста, куда мне поставить своих коней, чтобы они никому не мешали?

— Ты не поверишь, парень! В конюшню их надо поставить, в конюшню!!!

— Конюшня исключена, — твердо покачал головой лукоморец. — Назовите какое-нибудь другое место.

Хозяин, не останавливаясь, раздраженно оглянулся и махнул котелком:

— Ну поставь ты их уже хоть куда-нибудь!

Хотя, нет. Учитывая твою сообразительность, сначала придумай, куда поставишь, потом скажешь мне. Я буду в общем зале.

И, впервые заметив Иванов меч и обратив внимание на его манеры и речь, пробормотал себе под нос: «Ох уж, эта мне знать... Гонору — полный амбар, а мозгов... Если лошадь в конюшню не ставить, то зачем тогда господь бог придумал конюшни, как сказал Бруно Багинотский?»

И скрылся за дверь «Бруно».

Общий зал был полутемен и более чем наполовину пуст. За дальними столами, апатично развалившись, располагалась обслуга постоянного двора вперемешку со скучающими музыкантами. За столом у входа, так и не расставшись с котелком, присел хозяин, шумно вздыхая и сдувая пену с высокой дубовой пивной кружки. Рядом, за тем же занятием, можно было увидеть единственных двух посетителей. В воздухе носились ароматы вчерашнего рагу, кислого пива и упаднического настроения.

Гость помоложе, в круглых очках на золотой цепочке на длинном, грустно опущенном в кружку носу, нервно жевал тонкими бескровными губами и отрывисто вздыхал. Гость постарше, с толстыми дряблыми щеками и маленькими шустрыми глазками, кисло выговаривал, не сводя хмурого взгляда с собственных сарделькообразных пальцев,

унизированных разнокалиберными разноцветными перстнями:

— ...Идиоты в нашей стране, да и во всех соседних, перевелись еще неделю назад.

— Думаете, ваше превосходительство, все так действительно плохо? — тревожно нахмурил брови хозяин.

— Ха! Плохо! Ты оптимист, мастер Карл! Плохо! Плохо... Да хуже не бывает!!!

— Да не может такого быть, господин первый министр, — недоверчиво качнул лысой головой владелец двора. — Всё равно кто-нибудь наверняка еще объявится...

— Да если кто-то и объявится!.. — с отвращением фыркнул худой.

Пена из кружки мгновенно взлетела, облепив ему подбородок и нос, но он, лишь гневно мазнул рукавом по лицу и, не останавливаясь, продолжил:

— На то, что он справится, я и ореха гнилого не поставлю против твоего постоянного двора!

— Я поставлю наших коней против вашего угольного сарая.

Зал замер.

Все двадцать человек как один уставились на распахнувшуюся дверь.

Вернее, на того, кто в нее вошел.

Первым очнулся министр.

— Н-необычное п-предложение, — осторожно

проговорил узколиций.

— Извините? — не понял Иванушка.

— Я хочу сказать... что ставить коней против угольного сарая... оригинальное предложение.

Ощущая всей кожей, что вдруг и сразу он отчего-то стал фокусом напряженного внимания всех присутствующих, Иван смутился.

— Ну... если вы против... я могу...

— Нет!

— Что ты!

— Никто из нас не против!

— Мы все за!

— Мужики, не верю своим глазам!..

— И ушам тоже!

— И бабы!..

— И тоже не верю!..

— Он решился!

— Решился!..

— Постой, постой! Значит, ты совершенно точно уверен, что хочешь сделать это?

Очкастый приподнялся, опираясь на мокрую от пролитого пива столешницу, вывернул шею как недоверчивый гусь, и попытался в душной полутьме заглянуть вошедшему если не в душу, то хотя бы в глаза.

— Н-ну да, — захлопал белесыми ресницами сбитый с толку лукоморец. — А что в этом особенного? Но если кто-то должен приехать за

углем, или в вашей стране местные традиции имеют что-то против...

— Нет, ни в коем случае!!!

Очкастый выскочил из-за стола и, маневрируя между повскакивавшими с мест слугами, собаками и табуретками, подбежал к Иванушке с таким видом, словно вдруг признал в нем потерянного во младенчестве единственного сына.

— Держи мою руку!

Недоумевая по поводу странных и запутанных обычаев Багинота, по поводу того, когда это за сто тринадцать лет они успели так постраннеть и запутаться, и, заодно, по поводу того, не проще ли было бы потратить лишнюю пару кронеров и воспользоваться конюшней, лукоморец послушно сжал предложенные пальцы тощего носатого аборигена в своих.

— Карл, разбивай! — сияя как новый самовар, обернулся тот в поисках толстощекого собутыльника. Но искать того было не надо: возбужденно потирая пухлые ладони, он уже стоял наготове за его спиной.

— При свидетелях, как подобает по законам славного Багинота, разбиваю я ваши руки, и да будет слово твое, о чужеземец, крепко, как скалы нашей страны, и только смерть теперь может остановить тебя!

Взмах руки — и ладонь толстяка обрушилась

ребром на подставленное ей рукопожатие.

— Клятва твоя, чужестранец, с этого мгновения вступила в силу, — торжественно надувшись, объявил толстяк. — И да поможет тебе в этом опасном деле провидение.

— Да ладно, не надо провидение, я сам справлюсь, — подозрительно косясь на беспричинно перевозбуждившихся аборигенов, пробормотал царевич. — Если, конечно, вы мне объясните, чем ваш угольный сарай так опасен.

— Сарай?

— Угольный сарай?

— Мальчик, какой сарай!

— Разве ты не понял?

— Ты только что согласился сразиться с туманом-людоедом!

Челюсть Иванушки отпала.

— С кем?.. С чем?..

— С туманом-людоедом, парень!

— С людоедящим туманом, то бишь!

— И, обращаясь к королю, надо добавлять «ваше величество»!

— ...Какое к бабаю якорному «величество»!!! Я сама — без пяти минут величество! И нечего мне тут вашим величеством в нос тыкать! Да у нас самый захудалый помещик имеет больше земли, чем вам всем вместе взятым за все десять минут вашей истории снилось!!!

— Да? — обиженно оттопырил нижнюю губу король Август Второй и на всякий случай отступил на шаг от разъяренно напиральной — руки в боки — Сеньки. — И какой такой огромной державы вы соизволите быть «без пяти минут»?

— Да будет вам известно, что перед вами — ни кто иные, как ее высочество лукоморская царица Серафима Лесогорская с супругом своим Иваном Лукоморским, младшим братом царя Лукоморья Василия Двенадцатого! — объявила себя и Иванушку Сенька так, что все присутствующие непроизвольно захлопнули рты, вытянулись в струнку и прижали руки по швам. — Так что ни в какой ваш дурацкий туман мы лезть не собираемся, потому дел у нас и без того по горло, а клятва вообще получена была обманом!

— Вы слова-то выбирайте, ваше высочество, — министр спохватился, торопливо встал по стойке «вольно» и соорудил оскорбленную гримасу. — Не обманом, а военной хитростью. И исключительно по причине отчаянного положения вверенного нам государства.

— Вы могли бы просто попросить, — с укоризной проговорил Иванушка.

— И вы бы, конечно, тут же бы согласились! — язвительно хмыкнул министр.

— Да, — без затей ответил Иван.

Правящая элита Багинота потеряла дар речи.

Но с царевной такого конфуза не случилось, поэтому она продолжила наступление, призванное завершиться полным моральным разгромом противника и освобождением ее разлюбезного муженька от данных в беспризорном состоянии обещаний.

— Но поскольку воспользоваться нашей доброй волей вы не захотели, — с демонстративным сожалением повела она плечами и скрестила руки на груди, — то вопрос о нашем согласии является чисто академическим. А посему дозволейте откланяться. Неприятно было познакомиться.

Неизвестно, что собирались сказать про это его величество и его верный министр, какие примеры привести, какие прецеденты притянуть за уши и какие законы и обычаи на ходу изобрести, но их опередил другой человек.

Сам Иван.

— Сень, извини, конечно, но мы никуда не едем. В смысле, едем, конечно, но не сейчас. Попозже. Когда разберемся, что за туман тут завелся.

Взгляд царевны из торжествующего медленно превратился в обреченный, словно костер догорел. Она знала, когда ее муженьком можно было крутить и вертеть, как куклой на веревочках, и когда спорить с ним было так же бесполезно, как с

багинотским туманом-людоедом. И это, невооруженным разумом было понятно, был один из таких случаев.

Но побороться с этим стоило.

Бороться стоит всегда, сказал Бруно Багинотский. И, помолчав, добавил: «Если стоит не слишком дорого».

— Вань, туман-людоед — это, конечно, очень забавно, в «Приключениях лукоморских витязей» такого, наверное, даже близко не было, потому что это надо больным на всю голову быть, чтоб такое специально придумать... Но ты не забыл часом, что мы вообще тут делаем? — сделав вид, будто сдалась и согласилась, невинно любопытствовала она.

Иванушка болезненно сморщился и поджал губы.

— Время-то идет. И если мы провозимся здесь с их туманом и опоздаем туда, куда не должны опаздывать... — не теряясь, царевна нанесла еще один удар в открывшуюся и застывшую в нерешительности цель.

Лукоморец вздохнул, раздираемый сомнениями и альтернативами...

— А если еще, спаси-упаси, с тобой в этом тумане что случится, то вся наша экспедиция и вовсе теряет смысл, — коварно полуприкрыв блеснувшие радостью очи, озабоченно нахмурилась

Серафима.

Иванушка снова вздохнул, сжал решительно кулаки и твердо кивнул.

— Да, Сеня. Ты права, как всегда. И я даже понял, к чему ты клонишь, и соглашусь с тобой. Думаю, что идти на рекогносцировку местности прямо сейчас, не откладывая, и быть при этом очень осторожным — весьма здравая мысль.

Серафима со стоном закатила глаза и шумно выдохнула.

Правящая верхушка Багинота оживлено встрепенулась и заулыбалась.

Хозяин двора недоверчиво покачал котелком.

Музыканты у стойки нестройно, но с апломбом грянули национальный гимн,⁷ прислуга, со слезами на глазах, радостно подхватила:

Что такое Багинот —
Знает каждый идиот:
Глупый рыцарь,
пьяный лорд,
Дама-истеричка.
Кто с деньгами к нам
придет,

⁷ Слова, естественно, Бруно Багинотского, музыка — его же.

Тот без денег
уползет,
И по зернышку
клюет
Птичка-невеличка...

8

Не дослушав откровенное, но искреннее восхваление багинотцами добродетелей своей маленькой родины, с покорностью судьбе, подсунувшей ей такого мужа, царица проговорила:

— Хорошо, уговорил. Идем сейчас. Вот только зажуем обед из трех блюд с компотом, и...

— Сеня! Но ты не можешь идти со мной!..

— Да? — невинно округлила глаза царица. — И кто же мне помешает?

При всех своих прочих недостатках, дураком Иван не был, и знал, когда проиграл, еще не начиная кон.

Это был один из таких случаев.

— И тут ты права, Сеня. Не родился еще такой витязь на Белом Свете, — нежно улыбнулся ей супруг, чмокнул в щечку и повлек к ближайшему столу.

— Мастер Карл!.. — манерно щелкнул

тонкими ухоженными пальцами король. — Постарайтесь!

— За счет заведения, или за счет казны, вы уж сами разберетесь, я полагаю? — сладенько проворковала его величеству Серафима и, не дожидаясь реакции Августа, жестом подозвала из угла рябого коренастого слугу.

Достав из его кудрявой шевелюры несколько травинок сена, она с видом гурмана понюхала их, пожевала, и удовлетворенно кивнула.

— Нашим лошадям вот такого же, с гарниром из овса, и побольше. И побыстрее. Мастер Карл приплюсует к обеду. На четырех персон.

— На четырех персон?! Это возмутительно!.. — вытаращил глаза хозяин.

— На четырех персон?! Это то, что надо!

Дверь снова театрально распахнулась, впечатав медную скобу в беленую стену, и в зал, потирая ручки и облизываясь, бодро ввалился Адалет, едва заметный на фоне приотставшего на полшага громадного отряга.

— Мне двойную порцию! Всего! — тут же сориентировавшись на местности, выронил пустой кошелек и прогрохотал тот. — Начнем с курицы с рожками!

— Может, тебе еще поросенка в перьях, как сказал Бруно Багинотский? — язвительно скрестил руки на груди мастер Карл, уловив бдительным

оком безжизненную форму потерянного предмета кожгалантереи, скончавшегося явно от недосыпания.

Король и министр настороженно переглянулись.

— Это еще кто?

— Это с нами, — вальяжно махнула рукой Сенька.

— Еще два царевича? — ехидно прищурился министр.

— Нет.

— Ну слава тебе, слава...

— Один отряжский конунг и один волшебник.

— Боевой маг, — оживленно втягивая носом ароматы кухни, привычно-ворчливо поправил Адалет царевну, рассчитывавшую именно на это.

Король звучно сглотнул, прочищая пересохшее вдруг горло для произнесения сдавленного «Гхм». Первый министр попятился и плюхнулся задом на ударившую его под коленки скамейку. Котелок мастера Карла звонко покатился по каменному полу.

— И... — наконец, выдавил король, — они тоже... пойдут с вами?..

— Кто тоже пойдет с кем? — сходу взял гиперпотама за рога отряг.

— Ты только не падай, Олаф, и ты, твое премудрие, но мы сейчас вам всё объясним...

Когда лукоморцы закончили свою часть истории,⁹ слово, под рагу из овощей и баранины, взял Август Второй.

До недавних пор всё было ладно в Багинотском королевстве. Обозы, гурты скота и толпы путников, пеших и конных, сновали бесконечной чередой из Среднего Забугорья в Западное и наоборот, принося по дороге скромному государству и оставляя в его гостиницах, мастерских, кузнях и домах развлечений горы золота, серебра и медяков. Отделившийся сто тринадцать лет назад от Лотрании Багинот процветал, наслаждаясь всеми привилегиями единственного места отдыха на единственном коротком пути через обширные неприступные горы, перегородившие изрядную часть Северного Забугорья. Жизнь в Багиноте текла гладко, славно и плавно... вплоть до недавнего времени.

С месяц назад на западе, где-то в горах, произошло землетрясение. В западной части долины оно ощутилось как небольшие толчки, повалившие кое-где заборы и глинобитные стены

⁹ А заодно успокоили Адалета, убедив его, что в Гвент они успевают согласно расписанию, и Олафа, уговорив, что прежде, чем бежать с топором наперевес на врага, надо хотя бы узнать, в какую сторону бежать и кто у нас сегодня враг.

молочных ферм и птичников. Население слегка испугалось, но больше удивилось, так как подобного природного явления не случалось в здешних местах уже лет сто.

Утром следующего же дня рабочие направились в горы, чтобы посмотреть, не произошли ли обвалы, не надо ли где расчистить дорогу. Вернулись они через четыре дня к вечеру, сообщив, что катаклизм путь притока финансового благополучия их страны почти не затронул, и что после их профессионального вмешательства дорога вновь свободна.

И верно. На следующий день до обеда поток путников из Западного Забугорья в Лотранию полился, как обычно.

Потом поредел.

Потом иссяк.

Последние путники, зябко поеживаясь и нервно оглядываясь, в один голос твердили о каком-то странном холодном тумане, спустившемся откуда ни возьмись прямо на дорогу.

После этого стали возвращаться назад путешественники, следовавшие из Лотрании на запад, и рассказы их звучали еще страннее и жутче. Будто туман этот — плотный и белый, как парное молоко — разросся, разлился и окутал всю дорогу, и веет от него то ли болотной сыростью, то ли склепом. Те же, кто решился путь продолжить,

канули в стене того тумана безвозвратно.

— Естественно, безвозвратно, — перестала жевать и хмыкнула на это Серафима. — Они же на запад ехали. Вот и уехали, куда хотели.

— Может, и так, — не стал спорить король. — Но только, ваше высочество, куда, по-вашему, делись все те люди, что на протяжении сотен лет ехали и шли с запада в Лотранию? Ведь с тех пор, как туман возник, оттуда не появилось ни одного человека! А те, кто шел из Лотрании на запад, но не осмеливался войти в него и в нерешительности топтались на краю, пока более дерзостные их собратья рискнули пойти по дороге, слышали ужасные крики — человеческие и животных!

— Что вы на это скажете? — мрачно уставился на нее министр Гогенцолль.

— Я скажу, что влипло ваше королевство с этим туманом, — помолчав, царица скроила сокрушенную мину.

— Это точно... — угрюмо подтвердил хозяин пустой гостиницы.

— ...Но это не всё, — поднял к потолку указательный палец король, требуя внимания.

— Есть что-то еще? — нахмурился Адалет.

— Да. Самое главное. И самое печальное. Этот туман начал расти. И три дня назад покинул горы и ночью выполз в долину.

— Кто-то пострадал? — спросил Иван.

— Только одна ферма. К счастью, собаки подняли страшный вой, разбудили всех, и люди успели убежать, но животные...

— А еще, говорят, один старик скотник захотел вернуться и поглядеть, что с его коровами случилось, — сумрачно сообщил мастер Карл.

— И что?..

— И всё. Больше его никто не видел.

— Не знал, не знал... — расстроено протянул король. — Бедный дед... Невезучий мастер Гюнтер... Он копил на эту ферму полжизни, знаете ли. Столько денег в нее вбухал: коровы лукоморской породы, гуси тарабарские, корма хорохорские... Самое дорогое хозяйство во всем королевстве! Остаться без крыши над головой и без единорога денег к старости...

Путешественники вспомнили безутешного сборщика налогов на перевале.

— Бедный мастер Гюнтер... — сочувственно вздохнул Иванушка.

— Может, там, в тумане, завелся гиперпотам? — с горящими охотничьим азартом очами Олаф сжал в громадном кулаке личный столовый нож, размерами и формой больше напоминающий средний меч.

— Завелся... кто? — с нервным уважением глянули на отряга багинотцы.

— А мне больше всего любопытно, — не дав

юному конунгу ответить, задумчиво проговорил Адалет, — что ваш туман не рассеялся даже в дождь. Он ведь не рассеялся?

— Нет, — с почти физически ощутимым сожалением покачали головами хозяева.

— Что-то мне это не нравится... Ой, как не нравится...

— А уж нам-то как не нравится... — от всей души поддержал волшебника министр.

— И что-то мне это напоминает... что-то... далекое... неясное... смутное...

— Туманное, — подсказала Сенька.

— Да, именно! — обрадовался было чародей, но тут же скис. — Не помню... Хоть съешь меня этот туман — не помню. И не надо так переглядываться, багинотцы! Я в своей жизни забыл в сто раз больше, чем вы все вместе взятые когда-либо знали! И если я этот мелкий незначительный фактик из своей перегруженной значительными сведениями памяти выкинул, значит, сия информация была второстепенна и несущественна как для фундаментальной науки, так и для дела всей моей жизни! Подумаешь — туман! Ха! Да вся ваша проблема, сдается мне, и выведенной дырки от бублика не стоит!

— Вам и нам повезло, что Адалет с нами, — лучась гордостью и благоговейно косясь на волшебника, прочувствованно проговорил

лукоморец. — Для него ваш туман — как пыль на шкафу. Тьфу — и нет его.

— Это хорошо, — слегка повеселел король. — А то с тех пор, как мы клич кликнули, уже двенадцать рыцарей в полном снаряжении ушли на бой с ним и не вернулись. Последний — неделю назад.

— Заблудились? — предположил Олаф.

— Заржавели? — полюбопытствовала царевна.

— Хотелось бы верить, — снова помрачнел монарх Багинота. — Но после того как пропал бесследно в его клубах граф де Рюгин, куда бы мы ни рассылали глашатаев, какие бы ни предлагали награды — все решили, что потратить лишние две недели на объезд Бараньих гор лучше, чем остатки дней своих — на их освобождение от этих проклятых осадков...

— Что-что вы предлагали? — прикрыла хищно сверкнувшие при волшебном слове «награды» глазки и рассеянно переспросила Сенька.

— Что?.. А-а... награ...

Худая рука с королевской печаткой со смачным шлепком захлопнула королевский же рот.

Но было поздно.

— И какова же ставка? — не терпящим отговорок и уверток голосом полюбопытствовала

царевна.

Одобрительное ворчание Олафа, заинтересованное хмыканье Адалета и возмущенное «Сеня!!!» Иванушки последовали почти одновременно.

К последнему проявлению царевна оказалась глуха, как стена.

— Сказали «награ», говорите и «да», — посоветовала она багинотцам.

— Сумма и раньше была невелика, — всё же сделал попытку увильнуть министр, — а теперь, когда столько времени прошло без прохожих и проезжих, королевство настигли тяжелые времена...

— В смысле, еще более тяжелые, чем если бы туман остался в целостности и сохранности и пополз дальше? — невинно уточнила Серафима.

— Э-э-э-э... — сдался загнанный в угол Август Второй.

— Н-ну-у-у-у... — попробовал вывернуться и не смог Гогенцолль.

Сенька опрокинула на стол остатки рагу в томатном соусе и демонстративно-медленно вывела кровавую, с ароматом лука и базилика, цифру.

— Нет!!! — подскочил министр.

Вместе с ним подскочило блюдо с сельдью в горчичной заливке.

Министр тут же приземлился в исходную

точку.

Блюдо не было так удачно.

Схватив услужливо подsunутую хозяином тряпку, Гогенцолль тщательно стер красную цифру, и на ее месте быстро появилась другая, горчичного цвета.

— Скока-скока?!..

Желтая цифра пропала под натиском ветоши, и новая красная заняла ее место.

— Лучше туман!..

Желтая.

— Воля ваша.

Красная.

— Имейте совесть!..

Снова желтая.

— Совесть у нас в избытке. У нас денег нет.

Новая красная.

— Но может, вас устроит?..

Желтая.

— Устроит. Если утратить.

Впрочем, торговля продолжалась недолго: следующая селедочная сумма была принята Иваном волевым решением.

— Сеня, нельзя же так наживаться на чужом горе! — уткнувшись носом супруге в ухо, укоризненно прошептал он.

Та пожала плечами.

— Да меня и первое их предложение

удовлетворило, на кой пень нам такая куча золота? — прошептала она.

— А что ж ты тогда?!..

— Ты же знаешь, что мне не деньги нравятся, а процесс их получения. Это такая игра. И они продули. Да ты не расстраивайся за них. Поглядим, если по весу много выйдет, лишку им обратно высыплем. А то Масдай взбунтуется. Ну что? Компот допиваем и выходим?

Возражений ни у кого не было.

— Выходим, — отряг ласково погладил рукоять боевого топора номер пять.

— И кстати. Ваше величество. Нам понадобится проводник, — спохватился на пороге Адалет.

После того, как сумма вознаграждения от хозяина, от короны и лично от первого министра Гогенцолля была установлена едва ли не на заоблачном уровне,¹⁰ работники мастера Карла стали тянуть каминные спички — короткие и длинные.

Кудрявый конюх вытянул короткую.

Шепелявому Гуго спички не досталось.

— Ну что ж, парень, приятно было с тобой

¹⁰ Правда, если стоять в не слишком пасмурный день очень высоко в горах.

поработать, — штатный кузнец постоянного двора крепко обнял долговязого темноволосого парня лет двадцати.

— Ты был должен мне сорок единорогов, но я тебе прощаю, — скорбно похлопал его по руке краснолицый повар. — Твоя вдова вернет.

— Какой ты, оказывается, отважный... — с некоторым сожалением вздохнула мятой и медом ему в подбородок воздушная, как безе, кондитерша.

— Я всем буду рассказывать, что знал тебя, — скупно проронил лютнист и пробежал тонкими пальцами по расстроенным струнам.

— И я тоже... — нашел, наконец, слова и нервно отозвался Гуго, заработав, к своему удивлению, от жеманного музыканта кисло-соленый взгляд...

Когда все труженики «Бруно Багинотского» получили возможность сказать собирающемуся пропасть без вести герою поневоле всё, что о нем думали, Иван и Олаф бережно подхватили несопротивляющегося труженика метлы и лопаты под белы ручки¹¹ и вывели на улицу.

¹¹ Отпусти они его хоть на секунду — и случилось бы нечто непредсказуемое: он или упал бы, запутавшись в собственных ватно-резиновых ногах, или бросился бы бежать без остановки до самой Лотрании.

Провожать их до ворот высыпал весь персонал двора, плюс правящая элита королевства.

— Удачи вам!.. — Август махал короной, извлеченной по такому торжественному случаю из кармана плаща.

— Да не дрогнет ваша рука!.. — напутствовал Гогенцолль.

— Ваши руки!.. — уточнял хозяин.

— И ноги!.. — вторил ему повар.

— И всё остальное!.. — звенел арфой музыкант.

— Возвращайтесь с победой!.. — выкрикнула посудомойка.

— Да хоть и без победы — просто так возвращайтесь!.. — пожелала кондитерша.

— Но тогда бесплатно!.. — не удержался министр финансов.

— И за постой с вас будет!.. — поддержал трактирщик. — И за сено!.. И за овес!..

Король вдруг неуверенно откашлялся.

— А куда это он их ведет?

Хор горожан, провожающих былинных витязей на ратный подвиг, сбился и смолк.

— А куда это они его ведут? — при ближайшем рассмотрении диспозиции дислокации уточнил Гогенцолль.

И тут же группа поддержки взорвалась новой речевкой:

— Не-ту-да!!! На-ле-во!!! Не-ту-да!!!
На-ле-во!!!..

Витязи остановились, переглянулись, перегруппировались, развернули в указанном направлении ворону с белой звездой кобылу проводника, подавленно втянувшего голову в плечи, с благодарностью помахали багинотцам, и двинулись навстречу подвигу.

И благополучно добрались до первого перекрестка.

— А теперь куда? — задал резонный вопрос Адалет проводнику.

— Т-туда, — то ли указал направление вперед головой, то ли просто не совладал с нервным тиком Гуго.

Потом задумался, ткнул сжимающей поводья рукой налево, дернул правым плечом направо, и снова погрузился в себя на такую глубину, что без батискафа или хотя бы без чрева глубоководного монстра добраться до него не представлялось возможным.

— Эй, король, — Сенька, не теряя времени на обреченную на неудачу попытку, обернулась на оралу болельщиков, застывших в двух десятках метров за спиной. — Куда дальше?..

Провожатые — а с проходом через весь город их число выросло почти в сорок раз — осмелились оставить своих защитников только на самом краю

тумана, и только убедившись, что к этому времени пришел во вменяемое состояние¹² их проводник.

Великолепная четверка спешила на мутно-дымчатой границе, передав коней на попечение министра, и вопросительно воззрившись на замешкавшегося Гуго. Под кровожадным взглядом мастера Карла и разочарованным — кондитерши бледный, с подергивающейся щекой разнорабочий слабо пробормотал что-то вроде: «В-вам н-нейчас с-сперед».

— Счастливого пути, — авансом, но вежливо пожелал им король.

— Проводника берегите, — практично посоветовал Гогенцолль.

— С ним или на нем! — не к месту, но трубно взревел флейтист, встав в театральную позу.

И бедный Гуго не выдержал напряжения. Он содрогнулся, рука его непроизвольно дернула поводья, и лошадь — заслуженная старая кляча из запасника конюшни «Бруно Багинотского», приняв это за сигнал к наступлению, вспомнила молодость, взбрыкнула, всхрапнула, встала на дыбы и понеслась в туман.

Оставив длинноногого парня барахтаться на

¹² Настолько, что мог тихо поскуливать и приговаривать при каждом лошадином шаге «ой, мама».

земле под собственные проклятия и нервический гогот толпы.

Олаф, презрительно бормоча витиеватые отряжские оскорбления, походя ухватил одной рукой за шкуру багинотца, поставил на ноги так, что у бедолаги зубы клацнули, и экспедиционный корпус Адалета отважно ступил на расплывчатых очертаний дорогу, давно потерявшую цвет под покрывалом белесой мути, в промозглые объятия тумана-людоеда.¹³

Разноцветный мир остался позади. И без того неяркий свет пасмурного дня словно пропал, загороженный гигантской полупрозрачной рукой, нестройные выклики толпы то ли сошли на нет, то ли потонули в серых клубках, и четверо смелых и один не очень остались лицом к лицу с невидимым, неизвестным и неумолимым врагом.

Друзья прищурились настороженно в ожидании засады, привели мечи, топор и светящийся красновато-желтым светом посох в состояние боеготовности номер раз, и стали быстро углубляться в территорию, захваченную неопознанным погодным явлением.

На первый подозрительный, второй

¹³ А также, если верить местным, конеода, собакоода, свиноода, и вообще всего и вся еда.

оценивающий, третий задумчивый и даже на четвертый недоумевающий взгляд багинотский туман ничем не выдавал своей кровожадной сущности. Как и все его мелкокапельные сородичи со всего Белого Света, он методично накрывал всё, что попадалось на пути под его полупрозрачные тела, эгоистично лишая запутавшиеся в липкой влаге и промозгом холоде дома, деревья, сараи, заборы и землю красок, звука и запаха, и придавая им вид потусторонний, призрачный и нереальный, будто выхваченный из чьего-то удушливого сна.

Предположительно, кошмара.

Плотным белым саваном окутывал он отхваченный давешней ночью кусок багинотской долины, и всё, что не смогло сбежать, маячило на грани видимости неясными смутными очертаниями, наводя на не менее смутные, но вполне ясной направленности мысли и предчувствия.

— Эх, горяченького бы сейчаснибудь-чего... Чаю, что ли... или какао...

— Ты чего, Сень, какой сейчас может быть чай!

За недолгим молчанием последовало неохотное согласие.

— Вообще-то, конечно, так оно... Какой тут, к якорному бабаю, чай... Эту сырость из костей только печкой лукоморской или у камина

выгонишь... Эй, герой всея Багинота, тут, говорят, где-то ферма брошенная должна быть?

Гуго тихо икнул и встал.

— А... в-вам... з-зач-чем?

— Печку растопить, — фыркнула царевна.

Шепелявый принял ее слова за чистую монету.

— Н-не-е... С такой с-сыростью... д-дрова волглые... р-растопки с-сухой... н-не найдешь... п-провозимся... а я н-на ночь тут... ост-таваться... уб-бей меня... не х-хочу...

Серафима вздохнула.

— Хорошо. Уговорил. Не будем печку топить. Как насчет того, чтобы просто проверить, не прячется ли там кто-нибудь? Или что-нибудь?

В одно мгновение цвет лица злосчастного проводника изменился, и теперь он смело мог бы посоперничать по части румяности с самим туманом.

— Вы не расстраивайтесь так, не переживайте, — Иванушка сочувственно тронул за плечо багинотца. — Под нашей защитой вы можете чувствовать себя в полной безопасности.

— До тебя этот хелов туман доберется только через наши трупы! — отряг неожиданно решил попробовать себя в роли утешителя.

— Это д-должно б-было м-меня ус-спокоить? — истерично хихикнул Гуго.

Конунг не знал, что на риторические вопросы ответов быть не может, и обиженно буркнул:

— Да.

Багинотец виновато потупился.

С полкилометра пути они проделали быстро и в молчании. Дождь то ли прекратился, то ли не мог проникнуть сквозь бледное одеяло влажной мглы. Звуча их шагов слышно не было — багинотская аномалия скрадывала их полностью. Иногда Серафиме начинало казаться, что они давно сбились дороги, и ступают уже не по земле, а по облакам и случайным горным уступам, и что с каждым шагом вероятность того, что ноги их опустятся только на облака, всё увеличивается...

— П-поворот!!!.. Н-налево!!!.. П-поворот!!!..
П-поворот!!!..

При виде указательного столбика и самой дорожной развилки проводник так обрадовался, словно серьезно опасался и за их судьбу, и не рассчитывал больше застать их на привычном месте.

— А прямо — в горы дорога ведет? — уточнил маг-хранитель.

— Ага, в горы, в горы!.. Только до них отсюда еще километра т-три...

— А ферма?

— Ф-ферма... ф-ферму... если б не т-туман... отсюда б-бы... в-видно... б-было...

— Ты там бывал?

Гуго ссутулился и скукожился еще больше, словно намереваясь исчезнуть, спрятаться в своей одежке, как черепаха — в панцире.

— Я... я т-там... р-работал...

Аделет оживился.

— Значит, ты был там той ночью?

Проводник вздрогнул и заполошно замахал на старика руками, будто отгоняя привидение.

— Спаси-упаси!!!.. Я когда женился, в город работать перебрался!.. К мастеру Карлу!.. За неделю до этого... н-нашествия...

Из молочной пелены исподволь, постепенно, проступили неверные, размытые туманом очертания строений и забора.

Пахну ло плесенью и тленом.

— Ладно, поглядим... — пробормотал чародей и незаметно переместился из замыкающих в авангард.

Посох в его руке вспыхнул ярче и, Сенька могла бы поклясться, водяная взвесь белесой мглы, соприкасаясь с ним, теперь еле слышно шипела и испарялась.

Неслышно ступая по вымощенной горным камнем широкой дороге, оцетинившийся сталью и магией отряд настороженно двинулся вдоль забора, ожидая в любое мгновение атаки или ловушки.

Но туман выжидал.

Пройдя еще несколько десятков метров, они уперлись в распахнутую створку ворот и остановились.

— Заходим на двор? — предложил Олаф, незаметно утирая плечом вспотевшую верхнюю губу.

— Надо... — неохотно согласилась Серафима и перехватила поудобнее рукоятку метательного ножа.

— Может, там остался кто-нибудь, кому нужна наша помощь? — неуверенно предположил Иван.

— Наши души, скорее... — прошептал обреченно Гуго.

— Или туши, — хмыкнула царица. Багинотец нервно икнул.

— Держитесь сзади, — не поворачивая головы, сосредоточенно приказал волшебник. — Если что-то увидите — кричите как можно громче.

— Оно боится громких звуков? — с надеждой встрепенулся проводник.

— При чем тут оно?! **Я** буду в трансе и могу не слышать, — недовольно сдвинув лохматые мокрые брови, пояснил чародей. — А со зрением у меня и в ясную погоду не очень.

— Это должно было меня успокоить, как сказал однажды Гуго? — криво усмехнулась Сенька.

— Это не я сказал, — сразу же отозвался тот. — Это — Бруно Багинотский.

— Да хоть Ахмет Шатт-аль-Шейхский... — рассеянно буркнула царевна, прощупывая напряженным взглядом молочную стену тумана, непроницаемую уже метрах в пяти от них.

— Я не знаю, кто такой этот ваш Ахмет... — впервые за последние полтора часа багинотец позабыл трястись от страха и встрепенулся разобиженно, но внезапно маг вскинул руку с вспыхнувшим багрово-алым светом посохом и яростно прицыкнул:

— Молчать!!! Там... кто-то есть!

В наступившей мгновенно тишине дробный перестук зубов проводника отдавался от стен дворовых построек глухой барабанной дробью.

— Сейчас... сейчас... сейчас... — бормотал волшебник, полуприкрыв глаза и неровно поводя вытянутыми вперед руками, словно играл сам с собой в жмурки. — Сейчас... Там!!!

Посох его застыл в направлении бездонного белесого провала справа от усадьбы.

— Что там? — Сенька не слишком любезно ткнула локтем в бок проводника. Тот пискнул и прикусил язык.

— Ш-шк-котный д-двор... ш-швинарники... — впервые за всё время их знакомства оправдал своё прозвище долговязый

парень.

— Оно... уходит... — встревоженно нахмурился маг.

— Пошли быстро, — хмуро проронил Олаф, и в левой руке его как по волшебству оказался еще один топор, только что мирно покоившийся за спиной.

— Н-нет... н-не пойду... н-нет...

— Послушай, Гуго...

— Н-нет...

— Не бойся...

— Н-нет...

— Мы же с тобой...

— Н-нет... д-да... н-нет...

— Ну нет — так нет, — неожиданно согласилась царевна. — Сами разберемся. Подожди нас тут.

— НЕТ!!!

— Ну так шевели ногами, витязь багинотский!!! — рывкнула она так, что парень подпрыгнул и оказался впереди отряда. — Веди!!!

Несколько десятков шагов через двор — и из стены тумана стала нехотя проявляться неровная каменная стена какого-то приземистого строения с колючей соломенной крышей, нависшей над маленькими окошками, как челка на глаза растрепы.

— На нас кто-то смотрит, на нас кто-то

смотрит, на нас кто-то смотрит... — как заведенный, обреченно обняв тощие плечи руками, тягостно бубнил багинотец. — Я же чую, чую, вот лопни моя селезенка, чую, как на нас кто-то смотрит...

— Смотрит — значит, глаза есть, — резонно предположил Иванушка.

— А раз глаза есть — значит, по ним надавать можно, — с большей уверенностью, чем чувствовала в действительности, развила мысль супруга Серафима.

Сказать, что сама возможность устремленного на нее из мглистого ниоткуда пристального взгляда неизвестного потрошителя оставляла ее равнодушной, значило бы покривить душой.

— В ту сторону, — решительно ткнул посохом Адалет в низкую, закрытую на защелку дверь, и та разлетелась в вихре пылающих опилок.

Набалдашник оружия чародея вспыхнул желтым пламенем, озаря жарким ослепительным светом пропитанные промозглой мглой стены свинарника, бойцы ворвались внутрь под смертоносный свист стали и яростный рев пьяного грядущей битвой Олафа...

И застыли на месте.

Когда маг-хранитель закончил осмотр, все пятеро, ёжась и нервно передергивая плечами, поспешили покинуть длинное угрюмое здание.